

На другом конце провода молчание, и Вэнь Цзыцянь тоже молчит. Они словно разделены двумя мирами.

У Вэнь Цзыцяня разболелась голова, и он повесил трубку. Но телефон снова зазвонил, бесконечное преследование.

— Цинь Цан... — Вэнь Цзыцянь вздохнул. — Говори... Я хочу услышать твой голос...

— Не прячься от меня... — голос на том конце был хриплым.

— Я не прячусь, — ответил Вэнь Цзыцянь.

— Не ненавижь меня... — хриплый голос начал дрожать.

— Я не ненавижу тебя... Никогда не ненавидел... — твёрдо сказал Вэнь Цзыцянь.

— Даже если не любишь... Позволь мне любить тебя...

Вэнь Цзыцянь услышал сдавленные рыдания на том конце. Он мог представить, как Цинь Цан стискивает зубы, сдерживая слёзы. Его сердце тоже разрывалось, и голос стал настолько мягким, что он сам едва узнал его.

— Малыш, о чём ты плачешь? Ты уже взрослый. Разве это повод? Я больше не злюсь, возвращайся домой, вечером я приготовлю тебе ужин.

На том конце сдавленные рыдания превратились в громкий плач. Вэнь Цзыцянь приложил телефон к уху, едва слышно вздохнул.

Вэнь Юаньхан не пережил этой зимы. В молодости он был грозой преступного мира, в зрелом возрасте стал успешным предпринимателем. Он растратил всю свою удачу и богатство, и его смерть была печальной.

Он боролся с болью семь дней, а на восьмой день, ранним утром, внезапно очнулся и позвал всех родных и адвоката.

Он был в кислородной маске, едва дыша, глаза мутные, но сознание ясное. Он взял руку Вэнь Цзыцяня и слегка похлопал по ней.

Вэнь Цзыцянь наклонился к его уху и едва расслышал слабый шёпот:

— Когда меня не станет... ты сможешь защищать себя только сам... Я любил твою маму... и люблю тебя... Я не выделял никого... Ты должен верить... Иногда любовь скрывают... чтобы защитить...

Адвокат, стоя перед всеми, ровным голосом зачитал завещание.

— В последнее время я чувствую слабость и страх, что, если умру, возникнут споры о наследстве. Поэтому я пригласил своего шурина Вэнь Юаньсина и близкого друга Цинь Мина в качестве свидетелей и поручил адвокатам юридической фирмы «Хэншэн» составить завещание, чтобы оставить его семье, чтобы каждый соблюдал его и не возникало разногласий: три недвижимости, приобретённые совместно с женой после свадьбы, переходят к моей жене Пань Цинь. Одиннадцать объектов недвижимости, находящихся на моём имени,

включая главный дом семьи Вэнь, Сад Наньтин, Сад Синь и Сад Уда... шесть объектов переходят к моему старшему сыну Вэнь Цзыцяню. Сад Цзиньсю и Сад Юй... пять объектов переходят к моей третьей дочери Вэнь Цзысюань... Банковские вклады разделены на три части и после моей смерти будут переведены на счета моей жены Пань Цинь, старшего сына Вэнь Цзыцяня и третьей дочери Вэнь Цзысюань... Наконец... 36% акций группы компаний «Вэнь Юань», принадлежащие мне, полностью передаются моему старшему сыну Вэнь Цзыцяню...

На последних словах все явно замерли, включая Вэнь Цзыцяня.

Пань Цинь с недоумением посмотрела на Вэнь Юаньхана, ожидая объяснений.

Но Вэнь Юаньхан уже не мог ответить. Он закрыл глаза и перестал дышать...

Уход жизни и огромное наследство стали ярким контрастом. Вэнь Юаньхан всю жизнь стремился к власти и деньгам, совершая множество вещей, о которых потом жалел. Больше всего он сожалел о том, что оставил Ли Цзясюэ. Столько денег не смогли купить ему счастья и в конце концов не смогли спасти его жизнь. То, к чему он стремился, теперь казалось шуткой. Деньги важны, но не самое важное. Он прозрел, но было уже поздно.

В зале для прощаний стояли венки и цветы.

Друзья и родственники, пришедшие выразить соболезнования, получали у входа хризантему и три палочки благовоний. Сначала они подходили к семье, чтобы выразить слова утешения, затем шли к прозрачному гробу, окружённому цветами, клали цветы на грудь венков, зажигали благовония и трижды кланялись.

Семья вставала, чтобы поклониться в ответ. Вэнь Цзыцянь, сидя в инвалидном кресле, глубоко склонил голову. Утренние ритуалы повторялись снова и снова, и теперь он мог только пассивно наклоняться и выпрямляться, опираясь на руку Цинь Цана.

Когда Цзи Ханьчжи вошёл в зал, Вэнь Цзыцянь отдышал, опираясь на Цинь Цана, который стоял рядом с креслом, как верный страж.

Вэнь Цзыцянь слегка опустил голову, полуприкрыв глаза, и Цзи Ханьчжи подумал, что он плачет. Он шёл за отцом, Цзи Жуном, который подошёл к Пань Цинь и тихо сказал:

— Примите мои соболезнования.

Пань Цинь подняла голову, увидев Цзи Жуна, встала и, прикрыв рот платком, не смогла сдержать слёз.

Глаза Вэнь Цзысюань были опухшими от слёз, её красивые черты лица почти не разглядеть.

Цзи Ханьчжи посмотрел на Пань Цинь и Вэнь Цзысюань, а затем, обернувшись, встретился взглядом с Вэнь Цзыцянем. Голубые глаза Вэнь Цзыцяня ненадолго остановились на нём, затем мягко отвели в сторону.

Вэнь Цзыцянь не плакал, на его лице не было следов слёз, только бесстрастный взгляд на гостей. Его лицо было бледным, видно было, что он из последних сил держится. Волосы слегка отросли, чёлка закрывала брови, а худые щёки делали его слегка приподнятые глаза особенно выразительными.

Цзи Ханьчжи, опытный в любовных делах, видел множество красавцев, играл даже со

звёздами. Больной Вэнь Цзыцянь не был идеальным, но привлёк его внимание. Да, в этот момент он понял, почему Вэнь Цзыцянь притягивал его. Это была гордость, абсолютно противоположная его положению. Будучи жалким, он всё ещё смотрел на других свысока, и это раздражало Цзи Ханьчжи до глубины души.

Цзи Ханьчжи с детства был окружён вниманием, всегда сам ставил других на место, все ему льстили. Только Вэнь Цзыцянь, этот мужчина, с детства почти не смотрел на него.

Он смотрел на Вэнь Цзыцяня свысока, тот, опираясь правой рукой на поясницу, левой крепко держался за руку Цинь Цана, и, следуя движению руки Цинь Цана, слегка поклонился им с отцом, после чего больше не поднял на него взгляд.

Цзи Ханьчжи зажёл благовония, Цзи Жун остался поговорить с Пань Фаном, а он вышел покурить. Сигарета была выкурена наполовину, как в поле зрения мелькнула высокая фигура. Он обернулся и увидел, как Цинь Цан выносит Вэнь Цзыцяня на руках.

Вэнь Цзыцянь, бледный, лежал в объятиях Цинь Цана, глаза закрыты, на лбу блестели капли пота в зимнем солнце. Рука, лежавшая на животе, соскользнула, обнажив запястье с красивыми костяшками.

Цзи Ханьчжи смотрел на их удаляющиеся фигуры с глубоким смыслом, затаился оставшейся сигаретой, наслаждаясь вкусом.

Вэнь Цзыцянь проснулся уже глубокой ночью.

— Проснулся?

Он повернул голову на голос. Цинь Цан сидел у кровати, и, увидев, что он проснулся, слегка разгладил нахмуренный лоб.

— Хочешь есть? — спросил Цинь Цан.

Вэнь Цзыцянь хотел сказать, что не хочет, но, увидев ожидание в глазах мужчины, только кивнул.

Вэнь Юаньхан умер, и теперь он действительно был один. Ощущение внутренних и внешних угроз, он понимал, что, даже будучи крупнейшим акционером, он не мог контролировать сердца людей.

Невидимое давление душило его, и у него совсем не было аппетита.

Он кое-как проглотил несколько кусочков, покачал головой и, глядя на слабый свет на потолке, произнёс:

— Цинь Цан...

— Да.

— Почему ты не любишь женщин?

Сердце Цинь Цана ёкнуло. Он понимал, что это неизбежно. Они не могли всю жизнь жить в таком напряжении, с невысказанным между ними.

— Почему ты не любишь меня? — спросил Цинь Цан в ответ.

Вэнь Цзыцянь немного растерялся, не ожидая, что вопрос вернётся к нему. Подумав, он ответил:

— Я... я не... мы... мы не можем...

— Да, ты уже говорил, — сказал Цинь Цан. — Не переживай, я не буду тебя принуждать. Я буду всю жизнь хранить тебя в сердце, даже если ты не ответишь мне, я не пожалею. Если ты считаешь меня другом, то пусть будет так. Я понял... так прожить жизнь тоже неплохо.

Вэнь Цзыцянь нахмурился:

— Что ты имеешь в виду?

Цинь Цан ответил:

— Даже если ты меня не любишь, я не уйду. Забудь о том, чтобы подсунуть мне Цинь Фэйфэй.

— Ты... — Вэнь Цзыцянь приподнял голову, но снова упал на подушку и начал кашлять.

Цинь Цан подложил ему ещё две подушки, чтобы он мог сесть, поддерживая его, похлопывая по спине.

Кашель продолжался долго, прежде чем Вэнь Цзыцянь остановился. Он посмотрел на Цинь Цана:

— Цинь Цан... послушай меня, хорошо? Не выбирай тернистый путь, разве ровная дорога не лучше? Я хочу видеть, как ты женишься, как у тебя появятся дети. Всё, что я не могу сделать в этой жизни, я хочу, чтобы ты осуществил, понимаешь?

Цинь Цан покачал головой:

— Я не понимаю! Я не ты, зачем мне делать то, что ты не смог...

[Примечания отсутствуют]

<http://bllate.org/book/16224/1457480>